

1. Частичное утверждение судом мирового соглашения недопустимо.

До 2014 года в арбитражной практике иногда встречались случаи изменения судом мирового соглашения. Однако в большинстве случаев вышестоящие арбитражные суды признавали такое вмешательство суда первой (а иногда и апелляционной) инстанции в волеизъявление сторон незаконным (см., например, постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 5 октября 2006 г. по делу N Ф04-6440/2006; ФАС Московского округа от 14 декабря 2004 г. по делу N КГ-А40/11397-04, от 22 августа 2005 г. по делу N КГ-А40/5520-05 и др.)

Правильная позиция основана на том, что в силу ч. 5 ст. 49 и ч. 6 ст. 141 АПК РФ арбитражный суд не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права других лиц. Таким образом, арбитражный суд при отсутствии недостатков, предусмотренных ч. 5 ст. 49 АПК РФ, утверждает мировое соглашение в целом. Если же мировое соглашение в целом либо отдельные его части противоречат закону, арбитражный суд должен отказать в утверждении мирового соглашения, что не лишает стороны права заключить мировое соглашение на иных условиях.

Впоследствии Пленум ВАС РФ в п. 16 постановления от 18 июля 2014 г. № 50 "О примирении сторон в арбитражном процессе" (далее – Постановление № 50) закрепил указанную позицию следующим образом: "Кодексом не предусматривается возможность утверждения мирового соглашения в части, изменение или исключение из мирового соглашения каких-либо условий. Следовательно, в целях соблюдения принципов диспозитивности и добровольности примирения сторон арбитражный суд, рассматривая вопрос об утверждении мирового соглашения, не вправе утверждать такое соглашение в части, изменять или исключать из него какие-либо условия, согласованные сторонами. Вместе с тем суд вправе предложить сторонам исключить из мирового соглашения отдельные условия, противоречащие закону или нарушающие права и законные интересы других лиц".

Следовательно, в данном случае суд первой инстанции сначала должен был разъяснить сторонам невозможность включения в мировое соглашение акта распоряжения процессуальными правами, а при их несогласии это сделать, своим определением отказать в утверждении мирового соглашения (ч. 9 ст. 141 АПК РФ).

2. Ответ на второй вопрос более сложен, а потому структурирован

2.1. возможность изменения мировым соглашением фактов и правоотношений, уже установленных решением суда

В первом деле арбитражный суд по иску ООО «Стандарт» взыскал с ООО «Рубин» 7 млн. руб. убытков. При этом ООО «Рубин» в другом деле обратилось к ООО «Стандарт» с иском о взыскании 23 млн. руб. по этому же договору подряда. Вытекающие из одного правоотношения исковые требования сторон договора являются встречными. Презюмируя

обоснованность требований как заказчика, так и подрядчика, путём их взаимозачёта можно установить что ООО «Стандарт» должно ООО «Рубин» 16 млн. руб. Однако в мировом соглашении по второму делу стороны фиксируют обязательство ООО «Стандарт» перед ООО «Рубин» на 20 млн. руб.

Отсюда возникает предположение о том, что стороны по взаимной договоренности опровергают установленный судом 1-й инстанции размер причиненных заказчику убытков.

В судебной-арбитражной практике существует позиция о том, что в мировом соглашении стороны не вправе пересматривать и переоценивать установленные вынесенным судебным актом обстоятельства. В силу ст. 16 АПК РФ вступившие в законную силу судебные акты являются общеобязательными. Если спор между сторонами был уже разрешен посредством принятия решения по делу и судом установлены конкретные юридические факты, то стороны мирового соглашения не могут игнорировать выводы суда и установленные им обстоятельства, их опровергать, подвергая тем самым сомнению законность вынесенного судебного акта (см. постановление АС Московского округа от 23 января 2015 г. по делу № А40-42237/2014; постановление Второго ААС от 25 сентября 2012 г. по делу № А28-7355/2011 и др.).

Однако изложенная тенденция судебной практики справедлива по отношению к судебным актам, вступившим в законную силу. Между тем в рассматриваемой ситуации решение суда 1-й инстанции по иску ООО «Стандарт» к ООО «Рубин» в законную силу ещё не вступило. Следовательно, стороны вправе в мировом соглашении оговорить размер обязательств, отличный от того, что установил суд 1-й инстанции по первоначальному иску.

2.2. Охват мировым соглашением иных судебных споров

Указанный вопрос является в известной степени дискуссионным, поэтому следует кратко его осветить и смоделировать собственную позицию. Высшие судебные инстанции по данному вопросу прямо пока не высказывались. На уровне окружных арбитражных кассационных судов существует позиция о том, что *"действующее процессуальное законодательство допускает заключение мирового соглашения исключительно в отношении одного дела"* (см. постановления АС Северо-Западного округа от 13.11.2014 по делу N А56-22138/2014 и АС Восточно-Сибирского округа от 08.12.2016 по делу N А10-6234/2015). Учитывая авторитет окружных судов, а также то, что, например, в рамках дела N А56-22138/2014 определением судьи Верховного Суда РФ от 24 февраля 2015 г. № 307-ЭС15-337 было отказано в передаче кассационной жалобы на рассмотрение экономколлегии ВС РФ, данный вывод можно было бы принять в качестве аксиомы. Между тем, во-первых, названные окружные суды в своих актах ссылались на то, что утвердившими мировые соглашения судами не исследовались договоры (правоотношения), фигурировавшие в иных судебных делах, которые стороны хотели прекратить единым мировым соглашением.

В рассматриваемой же ситуации оба судебных спора основаны на одном и том же договоре подряда. Возможно, с позиции доктрины понятия: "договор" и "правоотношение" нельзя полностью отождествлять, однако вполне очевидно, что конкретный договор порождает вполне конкретное (как правило, сложное, двустороннее) правоотношение. В первом и втором судебном споре рассматривались разные обязанности: обязанность подрядчика по возмещению убытков, причиненных заказчику ненадлежащим выполнением работ, и обязанность заказчика по оплате выполненных подрядчиком работ. Однако эти обязанности вытекают из единого договорного правоотношения.

Во-вторых, согласно абз. 2 п. 13 Постановления № 50 стороны вправе включать в мировое соглашение положения, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом данного судебного разбирательства. Это разъяснение пусть и косвенно, но даёт основание предположить, что стороны вправе включить в мировое соглашение условия, относящиеся к материально-правовому положению сторон, являющемуся предметом рассмотрения по другому судебному делу. Например, постановлением Седьмого ААС от 11.10.2016 по делу N А45-15443/2015 утверждено мировое соглашение, в котором стороны "урегулировали все взаимные претензии, в том числе связанные с возмещением судебных расходов и взысканием процентов за пользование чужими денежными средствами по делам N А45-15443/2015, А45-16608/2014, А45-20210/2014, А45-4914/2015". Обозначенный подход представляется более отвечающим задаче суда по примирению сторон. Смысл включения в мировое соглашение условий, относящихся к предмету другого спора, состоит в том, что уступки и предоставления по нескольким делам взаимообусловлены.

2.3. возможность установления в мировом соглашении обязательства по распоряжению процессуальными правами в отношении другого судебного дела; обеспечение исполнения данного обязательства штрафной санкцией (неустойкой)

В судебной практике доминирует подход о недопустимости любого отказа от процессуальных прав, не связанных со спором, непосредственно рассматриваемым судом. Основанием такого подхода является п. 2 ст. 9 ГК РФ, согласно которому отказ от осуществления принадлежащего лицу права не влечет его прекращения, и ч. 2 ст. 4 АПК РФ, устанавливающая, что отказ от права на обращение в суд недействителен.

В настоящее время абсолютный запрет на включение подобных условий в мировое соглашение несколько поколеблен: исследователи начинают осторожно допускать включение только некоторых распорядительных действий в мировые соглашения и только при соответствующих условиях спора. Однако в абз. 2 п. 13 Постановления № 50 Пленум ВАС РФ, как представляется, совсем не случайно сделал следующий акцент: *"стороны при заключении мирового соглашения могут самостоятельно распоряжаться принадлежащими им*

материальными правами", тем самым подчёркивая, что его разрешение не распространяется на нематериальные (то есть процессуальные) права.

Кроме того, исходя из содержания обязанностей ООО «Рубин» по мировому соглашению, последнее не отвечает нескольким иным требованиям, обозначенным в Постановлении № 50. Пункты 9 и 15 Постановления № 50 говорят о том, что мировое соглашение должно быть направлено на прекращение спора между сторонами на основе добровольных взаимных уступок. Однако ООО «Рубин» никаких материально-правовых обязательств на себя не берёт. Кроме того, отказ ООО «Рубин» от апелляционной жалобы по первоначальному иску вовсе не устраняет спор: в этом случае решение суда по первоначальному иску просто вступит в законную силу и ООО «Рубин» должно будет выплатить ООО «Стандарт» 7 млн. руб. убытков. Вряд ли такой исход можно считать добровольным прекращением гражданско-правового спора и устранением экономического конфликта между заказчиком и подрядчиком.

Далее в абз. 3 п. 13 Постановления № 50 сформулировано требование об исполнимости: *"мировое соглашение должно быть исполнимым с учетом правил о принудительном исполнении судебных актов"*. Между тем сложно представить, как служба судебных приставов обяжет ООО «Рубин» выполнить процессуальные действия по отказу от апелляционной жалобы (с учетом, к тому же, сроков рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции) и отказ от меры обеспечения иска.

Ответ на второй вопрос задания: суд должен был предложить сторонам изменить мировое соглашение, исключив из него незаконные положения, а при неизменении, полностью отказать в утверждении мирового соглашения в силу его противоречия закону.

3. Ответ на третий вопрос: недействительность отказа от права на обращение в суд имеет универсальный характер, поскольку и право на судебную защиту, гарантированное Конституцией РФ (ст. 46), имеет всеобщий и универсальный характер. То есть под данный запрет подпадает не только право на обращение в суд с материальным иском, но и право на совершение любого процессуального действия.

Суд кассационной инстанции в данном случае прав лишь в том, что при заключении между ООО «Рубин» и ООО «Стандарт» соглашения за рамками судебного спора, оно действительно стало обычным гражданско-правовым договором. Но этот факт не отменяет права и обязанности суда оценивать как это соглашение в целом, так и его отдельные условия на предмет соответствия закону. В случае же, если имеется такое несоответствие, сопряжённое к тому же с посягательством на публичные интересы, признавать подобное соглашение/условие ничтожным по п. 2 ст. 168 ГК РФ. В данном случае отказ от процессуального права ничтожен, поэтому и мера обеспечения этого права, имеющая акцессорный характер, также ничтожна. Отказ во взыскании штрафа был правомерен.

В соответствии с п. 1 ст. 361 ГК РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части.

Применительно к рассмотрению дел о несостоятельности (банкротстве) в п. 47 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» дается разъяснение о том, что требование кредитора к поручителю является денежным (абз. 4 ст. 2 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве)) и может являться основанием для возбуждения дела о банкротстве.

Из системного толкования норм ч. 7 ст. 213.9 Закона о банкротстве и ст. 13 Федерального закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» следует, что в рамках дела о банкротстве гражданина финансовый управляющий вправе оспаривать сделки граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, заключенные до 01.10.2015 г. с целью причинить вред кредиторам, только на основании ст. 10 ГК РФ. А сделки, заключенные позднее этой даты, могут оспариваться как на основании ст. 10 ГК РФ, так и по специальным основаниям, предусмотренным ст. 61 и 62 Закона о банкротстве.

Однако в рассматриваемой нами ситуации правовых оснований для признания договоров поручительства недействительными сделками не имеется.

Так для признания недействительными договоров поручительства в рамках дела о банкротстве не могут использоваться основания для оспаривания, закрепленные в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве (при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки) в силу прямого указания на это в абз. 6 п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Кроме того, неприменимыми в данном случае также являются нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (подозрительные сделки) и ст. 10 ГК РФ. Актуальная судебная практика исходит из того, что поручители на момент совершения сделки имеют финансовые показатели, дающие основания для неблагоприятного прогноза их дальнейшей деятельности в случае наступления обязательств по выплате задолженности, при этом суды квалифицируют данные сделки как безвозмездные. Тем не менее такой фактор, как низкая в сопоставлении с размером обязательств поручителя стоимость чистых активов общества сама по себе не может

свидетельствовать о наличии обстоятельств, предусмотренных п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (Определение Верховного Суда РФ от 28.12.2015 г. № 308-ЭС15-16071).

В рамках дела о банкротстве суд вправе квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную на основании ст. 10 и 168 ГК РФ, в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке (абз. 4 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). При этом для признания сделки недействительной на основании ст. ст. 10 и 168 ГК РФ необходимо установить признаки злоупотребления правом не только со стороны поручителя (залогодателя), но и со стороны банка.

В данной ситуации признаков злоупотребления со стороны банка не имеется.

В соответствии с ч. 3 ст. 19 Закона о банкротстве заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину признаются его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга. Однако для целей признания сделки недействительной по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, требуется наличие заинтересованности между кредитором и должником. Подтверждения заинтересованности банка в заключении договоров поручительства в рассматриваемой нами ситуации также не усматривается.

Тем не менее в данной ситуации имеет место признак группы лиц в смысле, заложенном законодателем в абз. 2 ч. 1 ст. 9 Закона о банкротстве и ч. 1 ст. 9 ФЗ от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», так как физические лица-поручители являются членами одной семьи, один из них является учредителем организации-должника, а двое других занимают в ней должности директора и заместителя директора.

При этом следует отметить, что если заемщик и поручитель фактически контролируются одним лицом либо группой лиц, либо имеют общие экономические интересы, то цель заключения сделки поручительства не вызывает сомнений, что следует из разъяснений, данных в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством». Также наличие корпоративных либо иных связей между поручителем и заемщиком объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок (Постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 г. № 14510/13).

Кроме того, исходя из логики гражданско-правовых отношений, сделки поручительства обычно не предусматривают встречного исполнения со стороны кредитора в пользу предоставившего обеспечение лица. Такие сделки не предполагают выгоды для поручителя.

Заклученные договоры поручительства, как явствует из рассматриваемой нами ситуации, являлись экономически целесообразными для должника-организации. При этом и заемщик, и поручители, рассматривались банком как лица, имеющие экономические интересы, в связи с чем, в данном случае неприменимы как положения ст. 10 ГК РФ, так и п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

При кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счёте, выгоду в том или ином виде должны получить все её члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает. К тому же договоры поручительства, совершённые кредитной организацией с поручителями, не только относятся к стандартной банковской практике, но и не носят исключительный (экстраординарный) характер в конкретных правоотношениях банка, сложившихся с должником. Подтверждения обратного в нашей ситуации не представлено.

Вышеприведенная правовая позиция в части неприменения положений ст. 10 ГК РФ и п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве находит свое подтверждение в материалах актуальной судебной практики (Определение Арбитражного суда Алтайского края от 23.08.2018 г. по делу № А03-11256/2017, оставлено в силе Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.04.2019 г. и определением Верховного суда РФ от 02.09.2019 г. № 304-ЭС18-16202 (3, 4)).

Дополнительно хочется отметить, что отказывая в передаче дела кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам в рамках упомянутого выше арбитражного дела, Верховный суд сделал принципиально важный для правоприменительной практики вывод следующего плана: заклучение договоров поручительства является экономически целесообразным для должника по причине его фактической аффилированности с заемщиком; при этом принятие поручительства за третье лицо не выходит за рамки стандартной банковской практики по минимизации рисков невозврата кредитов посредством предоставления дополнительного обеспечения и не носит исключительный (экстраординарный) характер.

Абсолютно аналогичные выводы приводятся в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.03.2019 г. по делу № А45-15486/2017: само по себе заключение договоров поручительства (в том числе с заинтересованными по отношению к заемщику лицами) направлено на обеспечение возврата реально выданных кредитных средств; получение банком от поручителя как солидарного должника платежей в гашение задолженности по кредитному договору носит для кредитной организации обычный характер и не должно, по общему правилу, отвечать признакам подозрительных сделок.

Опираясь на судебную практику в рамках упомянутого выше дела, можно также обосновать невозможность оспаривания сделок поручительства по основаниям, предусмотренным ст. 61.3 Закона о банкротстве (оспаривание сделок должника, влекущих за

собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами) по следующим основаниям:

- в соответствии с пунктом 12.2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сам по себе тот факт, что другая сторона сделки является кредитной организацией, не может рассматриваться как единственное достаточное обоснование того, что она знала или должна была знать о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника (п. 2 ст. 61.2 или п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве); оспаривающее сделку лицо должно представить конкретные доказательства недобросовестности кредитной организации;

- банк по отношению к поручителю не является ни его кредитором, ни заинтересованным по отношению к нему лицом, поэтому не должен знать о его неплатежеспособности или недостаточности имущества;

- в рассматриваемой ситуации отсутствуют доказательства того, что в распоряжении банка имелась информация, из которой можно было бы сделать разумный вывод об отсутствии у поручителя денежных средств, достаточных для обслуживания имеющихся долгов, или о наличии иных кредиторов, срок исполнения обязательств перед которыми наступил ранее;

- заключение договоров поручительства в обеспечение кредитных обязательств в принципе относится к обычной хозяйственной деятельности банков, осуществляющих кредитование физических и юридических лиц.

Также невозможно будет оспорить договоры поручительства и в том случае, если поручители осуществляли по ним реальное исполнение. В данном случае договоры поручительства будут считаться совершенными в процессе обычной хозяйственной деятельности и направленными на исполнение длящихся обязательств по возврату кредита и уплате процентов, но при условии, что платежи по ним не превышают одного процента стоимости активов должника за последний отчетный период (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.11.2016 г. № Ф03-5407/2016 по делу № А51-23947/2015, определением Верховного Суда РФ от 20.02.2017 N 303-ЭС17-380 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

Применительно к договорам поручительства в целом судебная практика исходит из презумпции соответствия такого договора пределам обычной хозяйственной деятельности, но лишь в том случае если не будет доказано обратное (Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 06.02.2014 г. по делу № А43-24096/2010).

Таким образом, договоры поручительства в рассматриваемой ситуации при прочих равных условиях являются сделками, совершенными в рамках обычной хозяйственной деятельности, и не подпадают ни под один из критериев оспаривания, предусмотренных действующим законодательством.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕСС, АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Ответ на вопрос № 1

В соответствии с частью 5 статьи 1 Федерального закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», государственная регистрация права в Едином государственном реестре недвижимости является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Зарегистрированное в Едином государственном реестре недвижимости право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

Пунктом 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 разъяснено следующее.

Зарегистрированное право на недвижимое имущество не подлежит оспариванию путем заявления требований, подлежащих рассмотрению по правилам главы 25 ГПК РФ или главы 24 АПК РФ, поскольку в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, не может разрешаться спор о праве на недвижимое имущество.

Вместе с тем, если лицо полагает, что государственным регистратором допущены нарушения при осуществлении государственной регистрации права или сделки, оно вправе обратиться в суд с заявлением по правилам главы 25 ГПК РФ или главы 24 АПК РФ с учетом подведомственности дела.

Судебный акт по таким делам является основанием для внесения записи в ЕГРП только в том случае, когда об этом указано в его резолютивной части. Суд вправе сделать такой вывод, если изменение ЕГРП не повлечет нарушения прав и законных интересов других лиц, а также при отсутствии спора о праве на недвижимость. Например, когда судебный акт принят по заявлению обеих сторон сделки об оспаривании отказа государственного регистратора совершить регистрационные действия.

Таким образом, если юристы ООО «Колос» полагают, что регистрация права на спорное помещение за ООО «Заря» не является следствием незаконных действий Росреестра, исковое заявление подлежит рассмотрению по общим правилам искового производства, предусмотренными АПК РФ.

Вместе с тем, из условий задачи следует, что между ООО «Колос» и ООО «Заря» имеется спор о праве на помещение. С учетом вышеуказанных разъяснений ВС и ВАС РФ, решение о подаче иска о признании недействительным акта регистрации права

собственности, без оспаривания тех обстоятельств, которые послужили основанием для такой регистрации, представляется конкурсанту неверным.

Ответ на вопрос № 2

Конкурсант полагает, что вместо подачи нового иска имеет смысл обжаловать решение суда первой инстанции. По мнению конкурсанта, для отмены решения суда, принятого по виндикационному иску ООО «Колос», имеются следующие основания.

Не соглашаясь с доводами Истца об отсутствии у общества «Колос» воли на отчуждение спорного помещения, суд первой инстанции указал на факт заключения договора купли-продажи генеральным директором общества, который получил соответствующие полномочия на основании решения собрания учредителей общества.

Действительно, в соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом.

Однако судом не учтено, что в приговоре суда в отношении Симонова было указано, что на момент совершения сделки он директором общества не являлся. Его полномочия как директора истекли. Последующие решения общего собрания акционеров общества об избрании Симонова директором были сфальсифицированы им же.

Соответственно, на момент совершения сделки у общества «Колос» отсутствовал орган, посредством которого общество могло бы реализовать свои права и приобрести обязанности по договору купли-продажи.

В практике Президиума ВАС РФ (Постановление Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 17802/11) имеется дело со сходными обстоятельствами.

«...общество "ТД "Отрада" по договору от 06.12.1995 N 7384 приобрело в собственность объект недвижимости площадью 3322,9 кв.м...

*По договору от 20.06.2003 указанный объект был отчужден обществу с ограниченной ответственностью "Отрада АЭКС" ...
...По договорам купли-продажи от 04.08.2003 и от 05.08.2003 общество "Отрада АЭКС" и фирма "Круг" продали свои помещения соответственно обществам "РТФ" и "Вортекс". Переход права собственности также был зарегистрирован.*

Соглашением от 10.11.2003 часть помещения площадью 438 кв. метров, принадлежавшая названным обществам на праве общей долевой собственности, разделена между ними следующим образом: обществу "РТФ" - 256,5 кв. метра, обществу "Вортекс" - 180,4 кв. метра.

Таким образом, общество "РТФ" стало собственником недвижимости площадью 1260,6 кв. метра и 180,4 кв. метра, общество "Вортекс" - площадью 1442,2 кв. метра и 256,5 кв. метра.

По договору купли-продажи недвижимого имущества от 23.04.2004, заключенному между обществом "Вортекс" (продавцом) и обществом "ВИТА РИЭЛТ" (покупателем), часть принадлежащей обществу "Вортекс" недвижимости ... передана в собственность обществу "ВИТА РИЭЛТ". Переход права собственности зарегистрирован.

Общество "ТД "Отрада", ссылаясь на то, что нежилое помещение площадью 300,8 кв. метра является частью объекта площадью 3140,8 кв. метра, похищенного у него, и находится в незаконном владении общества "ВИТА РИЭЛТ", обратилось в Арбитражный суд города Москвы с настоящим иском. В обоснование заявленного требования общество "ТД "Отрада" указало, что факт хищения у него истребуемого им имущества путем мошеннических действий бывшего директора общества Корчагина С.Л. установлен приговором Зюзинского районного суда города Москвы от 09.02.2009 по делу N 1-34/2009, а потому это имущество в силу

положений статей 301, 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - Гражданский кодекс) подлежит изъятию у ответчика и передаче истцу в освобожденном виде.»

Суды нижестоящих инстанций отказали истцу в удовлетворении виндикационного иска. Президиум ВАС РФ не согласился с позицией нижестоящих судов и сделал следующие выводы.

«Отклоняя довод общества "ТД "Отрада" о выбытии спорного имущества из его владения помимо его воли, суды первой и кассационной инстанций сослались на то, что договор купли-продажи от 20.06.2003 заключен от имени общества Корчагиным С.Л. - его генеральным директором, избранным собранием акционеров, что подтверждает волю общества на отчуждение спорного имущества.

Между тем в приговоре Зюзинского районного суда города Москвы указано, что на момент совершения сделки Корчагин С.Л. директором общества "ТД "Отрада" не являлся. Его полномочия как директора истекли 28.07.2002. Решения общего собрания акционеров общества от 15.05.2001 и от 15.05.2003 об избрании Корчагина С.Л. директором были сфальсифицированы им. Обладая 20 процентами акций общества, Корчагин С.Л. в 2000 - 2001 годах, используя положение директора, ответственного за ведение реестра акционеров общества, путем изготовления поддельных договоров купли-продажи акций и передаточных распоряжений увеличил свой пакет акций до 73 процентов, что позволило ему устранить акционеров общества от участия в делах общества, присвоить полномочия как высшего органа управления общества, так и его единоличного органа и единолично принимать решения от имени общества, в том числе и по распоряжению имуществом.

Таким образом, вывод судов первой и кассационной инстанций о том, что, совершая единолично 20.06.2003 сделку по отчуждению спорного имущества, Корчагин С.Л. являлся генеральным директором общества "ТД "Отрада" и исполнял его волю, противоречит установленным по уголовному делу обстоятельствам.»

Таким образом, учитывая положения ст.ст. 53, 301, 302 ГК РФ и сложившуюся судебную практику по аналогичным делам, конкурсант полагает, что вывод суда первой инстанции о наличии у общества «Колос» воли на отчуждение спорного помещения не является верным.

По мнению конкурсанта, указание суда первой инстанции на факт регистрации права на спорное помещение за обществом «Заря» как на единственное доказательство права собственности на спорное помещение, не может являться основанием для отказа в удовлетворении виндикационного иска, поскольку не исключает возможность оспаривания в судебном порядке такой регистрации. Такой вывод следует из содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010, а также Постановления Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 N 17802/11.

Необходимо обратить внимание на положения абзаца 5 ст. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010, в соответствии с которыми судебный акт о возврате недвижимого имущества продавцу является основанием для государственной регистрации прекращения права собственности покупателя и государственной регистрации права собственности на этот объект недвижимости продавца.

Относительно вывода суда первой инстанции о необходимости оспаривания истцом договора купли-продажи необходимо пояснить следующее.

Пунктами 34, 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 разъяснено следующее.

В случаях, когда между лицами отсутствуют договорные отношения или отношения, связанные с последствиями недействительности сделки, спор о возврате имущества собственнику подлежит разрешению по правилам статей 301, 302 ГК РФ.

Если собственник требует возврата своего имущества из владения лица, которое незаконно им завладело, такое исковое требование подлежит рассмотрению по правилам статей 301, 302 ГК РФ, а не по правилам главы 59 ГК РФ.

По смыслу пункта 1 статьи 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения или владения лица, которому оно было передано собственником, помимо их воли.

Недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу.

Соответственно, исходя из того, что между обществами «Колос» и «Заря» отсутствуют договорные отношения, связанные со спорными помещениями, требование о признании договора купли-продажи от 10.04.2005 недействительным не привело бы к восстановлению нарушенных прав истца. Более того, с учетом разъяснений ВС и ВАС РФ, требование о признании указанной сделки недействительной не является необходимым с учетом условий задачи.

С учетом вышесказанного, можно дать следующий ответ на второй вопрос. Суд должен отказать истцу в удовлетворении требования о признании недействительным акта регистрации права собственности ООО «Заря», в случае, если не будут оспорены основания для регистрации такого права.

1

Правоприменительная, в том числе судебная, практика по вопросу обращения судебным приставом-исполнителем взыскания на имущественные права должника к третьим лицам, в частности к своим агентам по договорам (в качестве которых чаще всего выступают расчетно-кассовые центры), на сегодняшний день уже сложилась. Она является достаточно устойчивой и учитывает значительное количество нюансов применяемых должниками расчётных схем.

Как правило, договорные конструкции с использованием агентов – расчетно-кассовых центров используются должниками, выполняющими функции исполнителей коммунальных услуг (далее – ИКУ) в сфере жилищных правоотношений. Тем самым ИКУ избегают от наличия на своих расчетных счетах денежных средств, поступающих от населения, иных собственников помещений в многоквартирных домах в оплату коммунальных услуг, но не теряют при этом право распоряжаться этими денежными средствами путём дачи своему агенту соответствующих письменных распоряжений. Подобная схема ранее выглядела для должников – ИКУ привлекательной в силу того, что по исполнительным документам нельзя было получить денежные средства, сосредоточиваемые на счетах расчетно-кассовых центров.

Однако ситуация примерно три года назад кардинально изменилась. При анализе данных правоотношений судебная практика стала опираться на положения ст. 1005 Гражданского кодекса РФ, ст. ст. 5, 12, 64, 68, 75, 76, 94 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», на разъяснения, изложенные в пункте 9 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016, а также на правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в постановлении от 12.07.2007 № 10-П и определении от 03.07.2014 № 1561-О.

Указанные правовые нормы, а также их истолкование высшими судебными инстанциями дают возможность судам признавать постановления судебных приставов-исполнителей об обращении взыскания на имущественные права должников – управляющих организаций и некоторых иных ИКУ к своим платежным агентам законными и обоснованными, если к тому нет иных препятствий.

Между тем условия задания свидетельствуют о значительной специфике рассматриваемой ситуации.

Во-первых, в качестве должника здесь фигурирует не управляющая организация, а товарищество собственников жилья, статус которого предопределяет особенности правового регулирования в сфере как жилищных правоотношений, так и исполнительного производства.

Во-вторых, как это буквально следует из условий задания, ТСЖ заключило с ООО «1» не договор на управление общим имуществом многоквартирного дома (домов), а договор на техническую эксплуатацию многоквартирных домов. Это порождает необходимость дать такому обстоятельству отдельную правовую оценку.

В-третьих, по условию задания судебный пристав-исполнитель обратил взыскание (буквально): *"на имущественное право должника (право получения денежных средств по агентскому договору)"*. То есть в условии задания не уточняется, на право требования к какому именно юридическому лицу - ООО «1» или ООО «2» обратил взыскание судебный пристав-исполнитель.

Согласно пункту 1 статьи 135 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) товариществом собственников жилья признается некоммерческая организация, объединение собственников помещений в многоквартирном доме для совместного управления комплексом недвижимого имущества в многоквартирном доме, обеспечения эксплуатации этого комплекса, владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме. В силу подпункта 1 пункта 1 статьи 137 ЖК РФ ТСЖ вправе заключать в соответствии с законодательством договор управления многоквартирным домом, и иные обеспечивающие управление многоквартирным домом, в том числе содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, договоры. Следует отметить, что редакция подпункта 1 пункта 1 статьи 137 ЖК РФ была единожды изменена – Федеральным законом от 04.06.2011 N 123-ФЗ. Однако для решения настоящей задачи это существенного значения не имеет.

Таким образом, ТСЖ вправе заключить как договор на управление многоквартирным домом в целом (то есть когда управляющей организации передаются все полномочия исполнителя коммунальных услуг), так и договоры на выполнение отдельных функций исполнителя коммунальных услуг.

Статья 431 ГК РФ определяет правила толкования договора, предлагая в первую очередь исследовать его текст. Высшие судебные инстанции не раз обращали внимание нижестоящих судов на то, что для правильной квалификации вида договора необходимо обращать внимание не на его название, а на предмет договора, действительное содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков и т.д. (см., например, п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах").

При этом в условии задания буквально цитируется следующее: *"...безналичных переводов денежных средств физических лиц, совершенных ими в целях исполнения денежных обязательств потребителей (участников ТСЖ) перед исполнителем ООО «1», с последующим распределением указанных денежных средств"*. В цитате использованы термины "потребители", "исполнители", а также словосочетание: "последующее распределение указанных денежных средств". Юридическое значение в этом смысле имеет также условие договора между ТСЖ и ООО «1», в соответствии с которым, в целях исполнения этого договора ООО «1» может привлекать иных юридических лиц.

Изложенные обстоятельства в своей совокупности позволяют сделать вывод о том, что на самом деле между ТСЖ и ООО «1» был заключён не договор на техническую эксплуатацию, а договор на управление многоквартирным домом в целом. В соответствии с этим договором ООО «1» исполняет функции управляющей организации, что подразумевает под собой право на сбор денежных средств с членов ТСЖ, иных собственников помещений многоквартирных домов, входящих в состав данного ТСЖ. Название же данного договора не в полной мере или неверно отражает его суть и содержание.

Пользуясь своим статусом управляющей организации, ООО «1» заключило агентский договор с ООО «2», а также получило право распределять полученные денежные средства иным юридическим лицам – исполнителям услуг, поставщикам, подрядчикам, участвующим в надлежащем управлении многоквартирным домом (домами).

Отсюда следует вывод, что ТСЖ как сторона в договоре на управление многоквартирным домом в целом не имеет прав денежных требований к ООО «1», а сам договор между ТСЖ и ООО «1» по своей правовой природе не является агентским. Напротив, ООО «1» имеет право денежного требования (право на оплату своих услуг) к ТСЖ, реализуя его путём удержания части денежных средств, полученных от потребителей. Соответственно, судебный пристав-исполнитель не мог обратиться с взысканием на имущественное право должника - ТСЖ, поскольку такого права у ТСЖ нет ни по отношению к ООО «1», ни по отношению к ООО «2».

Дополнительно хотелось бы отметить, что даже если вывод о наличии у ООО «1» статуса управляющей организации неверен, функции управления многоквартирным домом сосредоточены именно у ТСЖ, а ООО «1» в качестве подрядчика и исполнителя выполняет лишь ряд функций, обеспечивающих такое управление (в том числе функцию по сбору денежных средств с потребителей), то обращение с взысканием на имущественное право должника всё равно будет незаконным в силу следующего.

Как уже было отмечено выше, ТСЖ имеет особый статус, раскрытый в ЖК РФ. Как неоднократно отмечали высшие судебные инстанции РФ, ТСЖ не может иметь самостоятельного экономического интереса, отличного от интересов его членов, оно уполномочено действовать лишь в интересах собственников помещений в доме.

Денежные средства, которые для ТСЖ собирает его агент (только ООО «1» или ООО «1» и ООО «2» совместно), имеют целевое назначение на оплату услуг по содержанию и текущему ремонту общего имущества многоквартирных домов, потребителем которых является население. Соответственно, обращение с взысканием на поступившие от населения денежные средства затрагивает интересы населения как потребителя.

Исходя из положений ст. 161 ЖК РФ, пунктов 10, 11, 16 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 N 491, управление многоквартирным домом предполагает

осуществление ТСЖ возложенных на него обязанностей, направленных на содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. То есть ТСЖ ответственно перед жильцами подведомственных ему многоквартирных домов за соответствие общего имущества этих домов требованиям санитарно-эпидемиологической, пожарной, технической и иной безопасности, и, в свою очередь, никто не вправе лишить либо каким-либо иным образом ограничить право жильцов на такую безопасность. Для исполнения этих обязанностей ТСЖ заключает договоры с соответствующими подрядчиками и исполнителями и должно оплачивать выполненные ими работы, оказанные услуги. Обращение взыскания на часть денежных средств, полагающихся ТСЖ, затрагивает интересы населения как потребителя и может иметь социально значимые негативные последствия, такие как неперечисление собранных от населения денежных средств вышеназванным подрядным организациям, отсутствие денежных средств, необходимых для поддержания общего имущества в надлежащем техническом, санитарно-гигиеническом, противопожарном и ином состоянии и, как следствие, для обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан и сохранности их имущества.

Таким образом, если в рассматриваемой конструкции именно ТСЖ является исполнителем коммунальных услуг, а ООО «1» привлечено им по договору, имеющему частично агентский характер, то постановление судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на имущество ТСЖ к ООО «1» и(или) ООО «2» будет противоречить ст. ст. 1, 2, 135, 138 ЖК РФ и нарушать права и законные интересы ТСЖ в сфере жилищных правоотношений.

15249-Конституционное право

Ситуацию, на мой взгляд, следует оценить на соответствие: букве закона, его духу. Правовая духовность, как известно, помимо закона выражается в этике, в моральных и нравственных принципах, она олицетворяет собой высшую целесообразность в той или иной области жизни. В отечественном правовом пространстве дух всех федеральных законов отражается в Конституции РФ (по крайней мере, на это хочется надеяться), поэтому право народа субъекта РФ на выражение своей позиции по значимому для них вопросу с точки зрения духа закона подлежит отысканию именно в Конституции РФ.

Пункты 2 и 6 статьи 12 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" устанавливают: *на референдум субъекта РФ могут быть вынесены только вопросы, находящиеся в ведении субъекта РФ или в совместном ведении РФ и её субъектов, если указанные вопросы не урегулированы Конституцией РФ, федеральным законом. Вопросы референдума субъекта РФ не должны противоречить законодательству РФ.*

Твердые коммунальные отходы (далее – ТКО), а также отходы II класса опасности охватываются общим родовым понятием «отходы». Напрямую про отходы Конституция РФ ничего не говорит, однако очевидно, что любые отходы оказывают прямое влияние на окружающую среду и природу. В соответствии с п. п. «д», «к» части 1 статьи 72 Конституции РФ вопросы, связанные с природопользованием, охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, лесным законодательством, находятся в совместном ведении РФ и её субъектов. Соответственно, далее необходимо посмотреть федеральное законодательство.

Согласно п. 10 ст. 24.6. и п. 3 ст. 24.7. Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления" (далее – Закон № 89-ФЗ) субъекты РФ вправе заключить между собой соглашение, по которому оператор по обработке ТКО одного субъекта РФ обязан принимать, обрабатывать, обезвреживать и т.д. ТКО, поступившие из другого субъекта РФ. Частично положения такого соглашения между субъектами РФ должны быть учтены также в утверждаемых субъектами РФ территориальных схемах обращения с отходами (п. п. 2, 11, 12 «Правил разработки... территориальных схем в области обращения с отходами производства и потребления...», а также требований к составу и содержанию таких схем», утвержденных постановлением Правительства РФ от 22 сентября 2018 года № 1130).

Ситуацию с ввозом ТКО на территорию N-ской области можно также рассмотреть с позиции регулирования нормами гражданского права в силу двух причин: а) ТКО являются объектом права собственности (ст. 4 Закона № 89-ФЗ); б) деятельность, связанная с обращением с ТКО, – это предпринимательская деятельность, подверженная, прежде всего, федеральному гражданско-правовому регулированию. Так, с позиции ст. 128 ГК РФ отходы, как объекты гражданских прав, можно классифицировать в качестве "вещей", которые при

участии в гражданском обороте приобретают свойства товара. Предпринимательская деятельность операторов по обращению с ТКО также по бóльшей своей части урегулирована гражданским правом и, соответственно, подчинена его основным принципам.

Так, ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34 и ст. 74 Конституции РФ, п. 5 ст. 1 ГК РФ закрепляют единство экономического пространства и свободное перемещение товаров, работ, услуг на всей территории РФ.

Итого: согласно ч. 1 ст. 8, ч. 3 ст. 55, п. «ж» ч. 1 ст. 71, ст. 74, ч. 1 ст. 76 Конституции РФ, п. 5 ст. 1 ГК РФ в России гарантируется единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров по всей территории страны, ограничения таких прав и свобод могут быть установлены только федеральным законом и только в исчерпывающем перечне случаев. Закон № 89-ФЗ, кроме того, закрепляет проведение единой государственной политики в области обращения с отходами (абз. 3 ст. 5).

Изложенное показывает, что на федеральном уровне сам механизм организации приема ТКО из другого субъекта РФ и их размещения, обработки, захоронения и т.п. на территории данного субъекта РФ действительно урегулирован Конституцией РФ, ГК РФ, Законом № 89-ФЗ и другими федеральными законами. Запуск механизма организации приема ТКО из другого субъекта РФ производится сложным юридическим составом, главенствующую роль в котором играет соответствующее соглашение между субъектами РФ.

Российские суды общей юрисдикции исправно стоят на страже интересов высшей государственной власти, не допуская произвольных, на их взгляд, попыток регионального и местного населения проводить плебисциты. С правовой стороны суды оценивают именно урегулированность выносимого на местный/региональный референдум вопроса федеральным законодательством. Так, например, Омский областной суд в апелляционном определении от 18 февраля 2015 г. по делу № 33-1038/2015, Центральный районный суд города Хабаровска в решении от 12 января 2016 г. по делу № 2А-1333/2016, Пермский краевой суд в апелляционном определении от 25 марта 2015 года по делу № 33-2621/2015, Свердловский областной суд в апелляционном определении от 8 июля 2015 года по делу № 33-9287/2015 отметили наличие подобной урегулированности, в связи с чем признали вопрос не подлежащим вынесению на местный/региональный референдум. Подобная позиция в той или иной мере поддерживается и Конституционным Судом РФ (КС РФ). Во многих своих постановлениях (например, от 24 мая 2001 года по делу № 8-П, от 29 января 2004 г. по делу № 2-П, от 20 апреля 2010 г. по делу № 9-П, от 19 апреля 2018 г. по делу № 16-П) КС РФ не раз констатировал, что именно федеральный законодатель несет ответственность за качество принимаемых решений, сохранение присущей природе законодательных актов разумной стабильности правового регулирования, обеспечение надлежащей правовой определенности. Тем самым верховный толкователь российских законов

лишний раз показывал недопустимость вмешательства плебисцитов в компетенцию высшей законодательной власти.

Несоответствие регионального референдума N-ской области букве федерального закона прослеживается и в некоторых других аспектах: так, сама постановка вопроса: "запрет ввоза на территорию N-ской области..." выглядит недостаточно продуманной, что порождает сомнения в её соответствии терминологии федеральных законов, в её конечной исполнимости, а также в её единообразном понимании потенциальными участниками референдума.

Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о том, что именно букве закона инициатива населения N-ской области, скорее всего, не соответствует.

Между тем стоит отметить, что тот же КС РФ отодвигая, по сути, местное население от решения государственных вопросов, не забывал и о том, что Конституцией РФ в первую очередь декларируется власть народа, выражаемая в том числе и посредством прямой демократии. Поэтому, например, в определении от 24.09.2013 № 1337-О КС РФ великодушно упомянул, что, в принципе, мнение населения субъекта РФ по вопросам, которые касаются данного субъекта, но не могут быть вынесены на региональный референдум, так или иначе должно быть услышано. В качестве форм выявления и учёта этого мнения названы право граждан РФ обращаться в органы публичной власти с жалобами, заявлениями и предложениями по вопросам, касающимся охраны окружающей среды, негативного воздействия на неё, право общественных и иных некоммерческих объединений организовывать и проводить в установленном порядке слушания по вопросам проектирования, размещения объектов, хозяйственная и иная деятельность которых может нанести вред окружающей среде, право подавать в органы публичной власти и т.д., и т.п.

Со своей стороны хочу отметить: в последние годы явно прослеживается тенденция совершения правящими российскими кругами дополнительных политико-правовых движений по упрочению собственного положения. В принципе, это характерно для любой политической власти, поэтому я не склонен видеть в этом только зло. Но один из основных принципов демократии – действие системы сдержек и противовесов – в условиях фактической однопартийности даёт существенные сбои, потому именно выражение народом своего мнения посредством различных форм могло бы хоть как-то восполнить этот недостаток, тем более что выборы депутатов по партийным спискам и отмена порога явки избирателей в высший законодательный орган страны окончательно извратили основы представительной демократии.

Непосредственно по теме вопроса с учётом показанной выше позиции КС РФ о необходимости всё-таки "слышать и учитывать глас народа, даже если недопустимо проводить местный референдум" хотел бы отметить, что в рассматриваемой ситуации само по себе решение о приеме ТКО на территории данного субъекта РФ принимается губернатором. То есть это не следует напрямую из федерального закона, который лишь создаёт необходимые

предпосылки и определяет сам механизм, а решается конкретным чиновником. Вот в этом месте я как раз не согласен с буквой закона о том, что губернатор вправе самостоятельно принимать подобное решение. И, как мне представляется, Конституция РФ по своему духу также требует учитывать в данном случае мнение населения, тем более, что вопрос связан с экологией, окружающей средой и, в конечном счёте, здоровьем людей. Другими словами, население субъекта РФ посредством одной из форм прямой демократии вправе не допустить принятия губернатором решения о складировании чужих отходов на территории данного субъекта.

В пункте 2 задания сказано, что фактическое число участников митинга несколько превысило предполагаемое число участников, которое было указано А.С. Мироновым в уведомлении о проведении публичного мероприятия. Само по себе данное обстоятельство, к сожалению, также рассматривается в современной правоприменительной практике как нарушение правил организации публичных мероприятий, что влечёт административную ответственность по ч. 2 ст. 20.2. КоАП РФ. Однако КС РФ в своём постановлении от 18 мая 2012 г. № 12-П ограничил возможность наказания организатора публичного мероприятия не только фактов выявления его вины в превышении количества участников (в большинстве случаев организатор это не может проконтролировать), но и рядом других факторов.

Вменение А.С. Миронову ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ необоснованно. Условия применения данной нормы: а) форма подачи информации является неприличной; б) данная форма оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность; в) распространённая информация выражает явное неуважение к обществу, государству, государственным органам.

Первая и третья опубликованные А.С. Мироновым фразы, равно как и фотографии с существующих мусорных полигонов, со всей очевидностью не отвечают вышеперечисленным признакам. Фраза «Глава местной администрации объелся Nyoscyamus?» также им не отвечает в силу следующего. Неприличная - это циничная форма, глубоко противоречащая правилам поведения, принятым в обществе. Однако здесь А.С. Миронов всего лишь перефразировал известное народное выражение "белены объелся". Ничего циничного и глубоко противоречащего общественной морали тут нет, даже если бы распространённая им фраза буквально воспроизводила народное изречение. Персонализация с конкретным гражданином не допущена, а достаточно известное обывателю слово "белена" заменено латинским названием растения, и не ассоциируемым большинством населения именно с беленой. Кроме того, знак вопроса в конце предложения свидетельствует о том, что А.С. Миронов делает не утверждение, не констатирует факт, а лишь выражает своё частное мнение, вопрошает к аудитории, тем самым как бы предлагая ей согласиться с этим мнением или же опровергнуть его. Данная фраза опять же не содержит порочащих главу местной администрации сведений, брани, нецензурных и неприличных слов, не имеет (как выше было показано) оскорбительного характера, не даёт

обобщенной субъективной оценки должностного лица в целом, не характеризует его отдельные качества.

Номинация «Налоговое право».

1. Налоговые последствия для Соколовой М.А.

По общему правилу, налог на доходы физических лиц Соколовой М.А. не уплачивается в связи с отсутствием объекта налогообложения (доходов). Даритель вправе не подавать налоговую декларацию в связи с отсутствием доходов, подлежащих декларированию. При дарении имущества доход (экономическая выгода) возникает у одаряемого. Даритель не получает каких-либо экономических выгод.

Ситуация меняется в том случае, если будет установлено, что Соколова М.А. до совершения сделки использовала данное нежилое помещение для извлечения прибыли, то есть фактически осуществляла предпринимательскую деятельность, вне зависимости от того, была ли она зарегистрирована в качестве индивидуального предпринимателя (и, например, прекратила свой статус непосредственно перед совершением сделки), или нет.

В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 146 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) объектом налогообложения налогом на добавленную стоимость признаются операции по реализации товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации. При этом передача права собственности на товары, результатов выполненных работ, оказание услуг на безвозмездной основе признаются реализацией товаров (работ, услуг).

Статьей 143 НК РФ установлено, что налогоплательщиками налога на добавленную стоимость признаются в том числе индивидуальные предприниматели.

Как установлено в абз. 4 п. 2 ст. 11 НК РФ, физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, при исполнении обязанностей, возложенных на них налоговым законодательством, не вправе ссылаться на то, что они не являются индивидуальными предпринимателями.

Таким образом, в случае установления факта предпринимательской деятельности, связанной с использованием отчуждаемой недвижимости, к Соколовой М.А. налоговым органом может быть применена общая система налогообложения и начислен НДС (например, определения Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2018 № 16-КГ18-17, от 08.04.2015 № 59-КГ15-2, от 03.09.2014 № 304-ЭС14-223, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2019 по делу № А79-8786/2018).

Кроме того, Соколова М.А. может быть привлечена к административной ответственности за осуществление деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя по ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

2. Налоговые последствия для Иванова А.Н.

В соответствии со ст. 41 НК РФ, доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая для физических лиц в соответствии с гл. 23 НК РФ.

Согласно п. 1 ст. 210 НК РФ при определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или право на распоряжение которыми у него возникло, а также доходы в виде материальной выгоды, определяемой в соответствии со ст. 212 НК РФ.

При дарении одаряемый получает экономическую выгоду в виде полученного в дар имущества. Доход в виде такой экономической выгоды подлежит обложению налогом на доходы физических лиц, за исключением случаев, предусмотренных п. 18.1 ст. 217 НК РФ.

В соответствии с п. 18.1 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению налогом на доходы физических лиц доходы налогоплательщика в денежной и натуральной формах, получаемые от физических лиц в порядке дарения, за исключением случаев дарения недвижимого имущества, транспортных средств, акций, долей, паев.

При этом согласно абз. 2 п. 18.1 ст. 217 НК РФ, доходы, полученные в порядке дарения, освобождаются от налогообложения в случае, если даритель и одаряемый являются членами семьи и (или) близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации.

Таким образом, поскольку физическое лицо – даритель, в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации, является близким родственником одариваемого, такой доход в виде нежилого помещения, полученного в порядке дарения, не подлежит налогообложению налогом на доходы физических лиц.

В случае если договор дарения заключен между физическими лицами вне рамок предпринимательской деятельности, на индивидуального предпринимателя, применяющего упрощенную систему налогообложения и получившего в порядке дарения имущество от близкого родственника, порядок учета доходов, предусмотренный гл. 26.2 НК РФ, не распространяется (письма Министерства финансов Российской Федерации от 27.05.2019 № 03-11-11/38260, от 27.07.2018 № 03-11-11/52999).

Однако как следует из задачи, Иванов А.Н. зарегистрирован в качестве ИП и осуществляет предпринимательскую деятельность, одним из видов которой является сдача в аренду недвижимого имущества. Принимая во внимание правовые позиции, содержащиеся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.1996 № 20-П, от 15.05.2001 № 88-О, от 14.07.2010 № 1017-О-О, от 22.03.2012 № 407-О-О, постановлении Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 18384/12, а также исходя из характеристики объекта

недвижимости, заявленных видов деятельности, есть основания утверждать, что имущество приобретено в дар для использования в предпринимательской деятельности, следовательно, и сам договор дарения заключен в рамках предпринимательской деятельности. Значит, в отношении данной операции подлежит применению порядок учета доходов, предусмотренный гл. 26.2 НК РФ.

В соответствии со ст. 346.14 НК РФ, доходы, уменьшенные на величину расходов, признаются объектом налогообложения.

Согласно ст. 346.18 НК РФ, в случае, если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов, налоговой базой признается денежное выражение доходов, уменьшенных на величину расходов. Доходы, полученные в натуральной форме, учитываются по рыночным ценам, определяемым с учетом положений ст. 105.3 НК РФ.

Статьей 105.3 НК РФ установлено, что в случае, если в сделках между взаимозависимыми лицами (ст. 105.1 НК РФ) создаются или устанавливаются коммерческие или финансовые условия, отличные от тех, которые имели бы место в сделках, признаваемых в соответствии с настоящим разделом сопоставимыми, между лицами, не являющимися взаимозависимыми, то любые доходы (прибыль, выручка), которые могли бы быть получены одним из этих лиц, но вследствие указанного отличия не были им получены, учитываются для целей налогообложения у этого лица.

Пунктом 2 ст. 346.20 НК РФ предусмотрено, что в случае, если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов, налоговая ставка устанавливается в размере 15 процентов.

В соответствии с п. 1 ст. 346.15 НК РФ налогоплательщики, применяющие УСНО, при определении объекта налогообложения учитывают доходы от реализации, определяемые на основании ст. 249 НК РФ, и внереализационные доходы, определяемые на основании ст. 250 НК РФ.

Согласно п. 8 ст. 250 НК РФ к внереализационным доходам отнесены доходы в виде безвозмездно полученного имущества, за исключением случаев, указанных в ст. 251 НК РФ.

При получении имущества безвозмездно оценка доходов осуществляется исходя из рыночных цен, определяемых с учетом положений ст. 105.3 НК РФ - общие положения о налогообложении в сделках между взаимозависимыми лицами, но не ниже определяемой в соответствии с гл. 25 НК РФ остаточной стоимости - по амортизируемому имуществу и не ниже затрат на приобретение - по иному имуществу. Информация о ценах должна быть подтверждена налогоплательщиком - получателем имущества документально или путем проведения независимой оценки.

На основании изложенного, а также с учетом разъяснений, данных в п.п. 3, 7-9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами

обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы», Иванов А.Н. должен включить в доходы по УСНО в 2018 году суммы дохода от полученного в дар от взаимозависимого лица (дочери) недвижимого имущества, используемого впоследствии в предпринимательской деятельности, и исчислить налог исходя из его рыночной стоимости.

Изложенная выше позиция соответствует сложившейся судебной практике (например, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2015 по делу № А11-4980/2015, решение Арбитражного суда Курской области от 28.06.2019 по делу №А35-552/2019, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.09.2018 по делу №А35-3121/2017, постановление 15 Арбитражного апелляционного суда от 08.08.2019 по делу №А53-6211/2019).

Согласно статьи 93 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ), соглашению сторон трудового договора работнику как при приеме на работу, так и впоследствии может устанавливаться неполное рабочее время (неполный рабочий день (смена) и (или) неполная рабочая неделя, в том числе с разделением рабочего дня на части). Неполное рабочее время может устанавливаться как без ограничения срока, так и на любой согласованный сторонами трудового договора срок.

В статье 111 ТК РФ установлено, что всем работникам предоставляются выходные дни (еженедельный непрерывный отдых). При пятидневной рабочей неделе — два выходных дня в неделю, а при шестидневной — один. Общий выходной — воскресенье. Вторым выходным днем при пятидневной рабочей неделе определяется в коллективном договоре или правилах внутреннего трудового распорядка. Как правило, оба выходных предоставляются подряд.

Нерабочие праздничные дни перечислены в статье 112 ТК РФ. Нерабочими праздничными днями в Российской Федерации являются:

- 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 8 января - Новогодние каникулы;
- 7 января - Рождество Христово;
- 23 февраля - День защитника Отечества;
- 8 марта - Международный женский день;
- 1 мая - Праздник Весны и Труда;
- 9 мая - День Победы;
- 12 июня - День России;
- 4 ноября - День народного единства.

При совпадении выходного и нерабочего праздничного дней выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день, за исключением выходных дней, совпадающих с нерабочими праздничными днями, указанными в абзацах втором и третьем части первой настоящей статьи. Они распространяются на все категории работников, в том числе и на тех, кто работает по скользящему графику. Правительство РФ вправе переносить выходные на другие дни исключительно в целях рационального использования работниками выходных и нерабочих праздничных дней (ч. 5 ст. 112 ТК РФ).

Согласно ст. 153 ТК РФ, работа в выходной или нерабочий праздничный день оплачивается не менее чем в двойном размере. Поскольку трудовое законодательство устанавливает только минимально допустимый уровень оплаты, ее конкретные размеры следует оговаривать в трудовых (коллективном) договорах либо в локальных нормативных актах, например в положении об оплате труда в компании.

По желанию сотрудника, работавшего в выходной или нерабочий праздничный день, ему может быть предоставлен другой день отдыха. Тогда работа в выходной оплачивается в одинарном размере, а день отдыха оплате не подлежит (часть 3 статьи 153 ТК РФ). Причем отгул предоставляется работнику в удобный для него день по согласованию с непосредственным руководителем. Это может быть и следующий за выходными рабочий день, и день через неделю или даже через месяц. Каких-либо ограничений по времени использования отгула трудовое законодательство не предусматривает.

При совпадении праздничного и нерабочего дня с выходным и, следовательно, переноса выходного дня меняется статус дней.

Согласно ст. 112 ТК РФ, день 1 мая 2019 года является нерабочим праздничным днем.

В силу ст. 107 ТК РФ выходные дни и нерабочие праздничные дни являются разными видами времени отдыха, а согласно Постановлению Правительства РФ от 01 октября 2018 г. N 1163 "О переносе выходных дней в 2019 году", в 2019 году был перенесен выходной день с субботы 5 января 2019 г. на четверг 2 мая 2019 г., с воскресенья 6 января 2019 г. на пятницу 3 мая 2019 г. Следовательно, 2 мая и 3 мая 2019 г. являются выходными, а не нерабочими праздничными днями.

Из условий задачи следует, что работнику установлена неполная рабочая неделя с рабочими днями в субботу и понедельник. При этом нерабочий праздничный день 1 мая 2019 года выпал на выходной день работника.

Согласно ст. 112 ТК РФ, если выходной день совпадает с нерабочим праздничным днем, то он переносится на следующий после праздничного рабочий день. При этом такой перенос происходит на основании закона и дополнительных постановлений Правительства или приказов работодателя не требуется. Таким образом, в рассматриваемом случае выходной день автоматически переносится на рабочий день, который следует после нерабочего праздничного дня (ч. 2 ст. 112 ТК РФ). Следующий после нерабочего праздничного дня рабочий день у работника по условиям задачи является 04 мая 2019 года. Следовательно, если работник вышел на работу после нерабочего праздничного дня 01 мая 2019 года, совпавшего с его выходным днем, то есть 04 мая 2019 года, то он вышел на работу в свой выходной день. На основании ст. 153 ТК РФ работа в выходной или нерабочий праздничный день оплачивается не менее чем в двойном размере.

Номинация «Уголовное право»

Рассмотрев условия конкурсного задания, считаю, что в изложенной ситуации имеются основания для изменения приговора суда первой инстанции в отношении Жданова в соответствии со статьей 389.18, пунктом 9 части 1 статьи 389.20 и статьей 389.26 УПК РФ. Данные основания обусловлены следующим.

Частью 2 статьи 309 УК РФ предусмотрено, что принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, - наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

По условиям конкурсного задания Жданову назначено наказание в виде лишения свободы в размере 1 года и 3 месяцев условно.

Вместе с тем, в соответствии с частью 1 статьи 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

При этом в соответствии с частью 2 статьи 15 УК РФ преступление, совершенное Ждановым, предусмотренное в части 2 статьи 309 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести.

В соответствии с условиями конкурсного задания Жданов ранее не судим, отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 УК РФ, не имеется.

Санкция части 2 статьи 309 УК РФ предусматривает иные виды наказания кроме лишения свободы.

Соответственно оснований назначения Жданову наказания в виде лишения свободы не имелось.

Кроме этого судом первой инстанции также допущены иные нарушения процессуального законодательства.

Так приговором суда первой инстанции Жданов приговорен к 1 году 3 месяцам лишения свободы условно с отбыванием наказания в колонии-поселении. Кроме того на Жданова

возложена обязанность являться в специализированный государственный орган два раза в месяц для регистрации.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в силу части 4 статьи 188 УИК РФ все условно осужденные обязаны отчитываться перед уголовно-исполнительными инспекциями или командованием воинских частей о своем поведении, исполнять возложенные на них обязанности, являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию, поэтому в приговоре дополнительно возлагать на осужденных указанные обязанности не требуется.

При постановлении приговора об условном назначении наказания в виде лишения свободы вид исправительного учреждения не указывается.

На основании вышеизложенного, судом первой инстанции при вынесении приговора Жданову допущены нарушения части 1 статьи 56 УК РФ и пункта 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Статьей 389.19 УПК РФ установлено, что суд апелляционной инстанции не связан доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме.

В соответствии со статьей 389.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке являются неправильное применение уголовного закона.

На основании статьи 389.18 УПК РФ неправильным применением уголовного закона является нарушение требований Общей части УК РФ.

На основании вышеизложенного приговор суда первой инстанции в отношении Жданова должен быть изменен на основании статей 389.15, 389.18 УПК РФ и 56 УК РФ.

Осужденному должно быть назначено наказание не связанное с лишением свободы.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что в соответствии с условиями конкурсного задания апелляционное представление на приговор суда первой инстанции не приносилось.

В связи с чем, на основании статьи 389.24 УПК РФ суд апелляционной инстанции при изменении приговора суда первой инстанции не вправе ухудшать положение осужденного.

Как было указано ранее санкция части 2 статьи 309 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа, принудительных работ, ареста и лишения свободы.

Назначение наказания в виде ареста и принудительных работ невозможно, так как данные виды наказания являются альтернативными к лишению свободы (пункт 51 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018)).

При этом назначение наказания в виде штрафа в рассматриваемой ситуации также невозможно по следующим основаниям.

В соответствии с выводами Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в определении от 17.09.2015 № 55-УД15-3, при изменении приговора замена условного наказания штрафом является ухудшением положения осужденного, поскольку штраф является реальным наказанием, а не условным.

В связи с чем, в рассматриваемой ситуации суд апелляционной инстанции не вправе назначить ни одно наказание из санкции части 2 статьи 309 УК РФ.

При этом в силу статьи 43 УК РФ суд обязан назначить наказание за совершенное преступление.

Аналогичная ситуация рассматривалась Президиумом Приморского краевого суда в кассационной инстанции по уголовному делу № 1-17/2016.

В данной ситуации постановлением Президиума Приморского краевого суда от 26.08.2016 приговор суда первой инстанции изменен, осужденному назначено наказание, не предусмотренное санкцией части 2 статьи 309 УК РФ, в виде исправительных работ.

На основании вышеизложенного приговор суда первой инстанции должен быть изменен, Жданову должно быть назначено наказание не связанное с лишением свободы и не ухудшающее положения осужденного. Данным наказанием могут являться исправительные работы.